

УДК 82-31(092)

ВСЕЕДИНСТВО КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ДОМИНАНТА ТВОРЧЕСТВА М. ПРИШВИНА

МОРОЗОВА Маргарита Хакимшоевна,
аспирант кафедры историко-культурного наследия,
Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

АННОТАЦИЯ. *Художественный мир М. Пришвина – это размышления писателя о человеке и природе. Писатель стремится постигнуть жизнь в глобальном Всеединстве.*
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *всеединство, Пришвин, натурфилософия, природа.*

MOROZOVA M.Kh.,
Post-graduate Student of the Department of Historical and Cultural Heritage,
Yelets State University

ALL-ENCOMPASSING UNITY AS A FUNDAMENTAL DOMINANT OF PRISHVIN'S WORKS

ABSTRACT. *Prishvin's artistic world represents the author's meditation on man and nature. The writer tries to comprehend life as a global unity.*

KEY WORDS: *all-encompassing unity, Prishvin, natural philosophy, nature.*

И зучая творчество М. Пришвина – одного из ярких представителей культуры Серебряного века – нельзя не обратить внимание на его отношение к природе. Природа как некая реальность, противостоящая человеку и одновременно взаимодействующая с ним, интересовала писателя на протяжении всего его творческого пути, поэтому без понимания натурфилософии Пришвина, ее своеобразия и истоков созданный им художественный мир так и останется закрытым для исследователей его наследия.

Ключевое натурфилософское воззрение писателя – единство всего живого – восходит к неоплатонической традиции. В философских взглядах неоплатоников миф «воспринимается как символическое свидетельство Всеединства, где человек включён в его глубинную сущность» [1, с. 104].

Чтобы понять неоплатоническую концепцию природы, оказавшую заметное влияние на формирование пришвинской натурфилософии, необходимо выяснить место природы в мире неоплатоников.

Роль природы, по Плотину, заключается в творческом акте, «творчество – ее собственность и форма ее бытия» [8]. Причем сам процесс творения происходит в созерцании и благодаря созерцанию. Природа творит то, что созерцает в тишине и безмолвии: «Все возникшее есть мое виденье, виденье в тишине» [там же].

Главной особенностью природы в трактовке Плотина является ее зависимость от «матери ее Души». «Неразумная» и лишенная сознания, она – «целиком и полностью следствие созерцания», низшая форма жизни, способная порождать, творить лишь видимые и материальные вещи. Причиной этого является ослабленное созерцание природы, «ибо оно – отражение другого, гораздо более ясного и чистого созерцания» [там же], поэтому все, что порождается ею, также вторично, ослаблено и

лишено жизни. Но несмотря на то, что природа лишена самостоятельности, она все равно представляет для Плотина огромную ценность, которая заключается прежде всего в том, что ее красота дает человеку представление о совершенстве другого мира.

Пришвин отвергает концепцию природы как «низшей формы жизни». По его мнению, она играет гораздо более значимую роль – выступает зеркалом для человека: «В природе, в уединении, как в зеркале, я благодаря этой способности вижу не себя, а того большого человека и, может быть, – "все-го человека", идущего все вперед и вперед...» [2, с. 495].

Главной особенностью платоновской философии, исходной точкой всех его неоплатонических рассуждений является его учение о Первоедином, «потенции всего, без которой ничего бы не было». Будучи «причиной жизни» и пребывая в состоянии совершенной свободы, оно возводится Плотинем в абсолют.

Первоединое охватывает все сущее: «Представьте себе родник, не имеющий другого источника, помимо самого себя, родник, питающий все ручьи и реки, но сам при этом несколько не оскудевающий и неизменно и целостно пребывающий в самом себе. <...> Или представьте себе жизнь некоего гигантского древа, растущего сверху вниз и обнимающего собою все, в то время как его принцип, начало, пребывает целостно и неизменно в его корне, обеспечивая дереву богатейшую и разнообразную жизнь, оставаясь при этом простым и единым» [8].

Согласно Плотину, «все так или иначе восходит к единству» [там же]. Каждая частная вещь является собой только благодаря своему внутреннему единству. Утратив его, она теряет себя: «Как только теряют свое единство и раздробляются, то вместе с тем изменяют также и свою изначальную природу» [7].

Представление о создавшем все всеобъемлющим и вседвелеющим Едином универсально для человеческого сознания и мышления.

Идея целостности мира являлась доминантой в разных философских школах. В частности, натурфилософия милетской (ионийской) школы таким Единым называла одну из четырех природных стихий: Фалес – воду, Анаксимен – воздух, Анаксимандр – апейрон. Не принадлежащий ни к одной из философских школ Гераклит Темный считал началом всего огонь.

Само понятие «Единое» было впервые введено пифагорейцами и элеатами. У пифагорейцев таким истоком всего сущего выступало число, единица, которая представляла собой, по их мнению, всеобщую сущность – деятельное начало и форму всех вещей. Элеаты называли этим термином некое, не имеющее формы, невыразимое единое божество, высшее и непостижимое начало, из которого мир возникает и в который обращается. Отталкивавшийся от них Платон дает трактовку Единого как некоего, превосходящего любое бытие, лишённого каких-либо свойств и признаков, которые помогли бы определить его сущность.

Новое толкование учения платоников и неоплатоников о Едином получили у Николая Кузанского. Переосмысление исходных положений этой философии позволили ему выстроить собственную оригинальную концепцию, основанную на соединении в Едином противоположностей, которая впоследствии легла в основу натурфилософии Шеллинга.

Поэтому не удивительно, что в художественном мире Пришвина содержится эта идея, восходящая к учениям В.С. Соловьева, Ф. Ницше, философии ионийцев, стоиков, неоплатоников и натурализму Гете, Шеллинга, вбирающая принципы средневекового мистицизма.

В России наиболее полную разработку философия Всеединства получила в учении Вл. Соловьева, предпринявшего попытку создать «цельное мировоззрение, состоящее из синтеза науки, философии и религии» [1, с. 122]. Отдельные положения принципа Всеединства рассматривались в философских трудах С. Булгакова, Н. Лосского, П. Флоренского, С. Франка, А. Лосева и других.

Пришвин, для которого идея Всеединства была центральной, чаще полемизирует с философами, нежели соглашается с ним. Размышления о человеке и природе как о различных материях кажутся ему ошибочными и греховными. На это указывает следующая запись в дневнике: «Я думал еще о грехе наших философов (В. Соловьев): грехе разделения природы и человека как бы в две разные субстанции: нет этого, субстанция одна» [6, с. 432].

Пришвина часто называли «бесчеловечным» (З. Гиппиус) писателем, однако, несмотря на глубокую спорность природы, весь творческий путь писателя был направлен, по его собственным словам, на поиск и восстановление «цельной личности человека, отвечающего и включающего в себя всю природу и определяющего каждому свое место, благодаря чему и создается то чувство гармонии, которое мы называем "природой"» [2, с. 478].

Опираясь на философские труды своих предшественников и современников, писатель создал свою собственную натурфилософскую антропологию, в которой определил место и роль человека в мире: «человек единственный и конечный хозяин вселенной. Задача перед таким человеком "освоить" вселенную» [5, с. 228].

Пришвин не очеловечивает природу, а наоборот, находит в ней общие черты с человеком, понятные в силу их родства: «Я почувствовал общую неразрывную связь себя с природой, на чем бы ни останавливалось мое внимание – все было мне где-то знакомо, в своем внутреннем мире я находил полное соответствие, так что, наконец, весь так называемый внешний мир с растениями и небом, и водой, и животными совершенно то же стал, что и я» [3, с. 109]. Сущность природы, по мнению Пришвина, совпадает с человеческой сущностью. В познании природы человек прозревает смысл своего существования. Его предназначение в спасении мира от хаоса распада, раздробленности, в возвращении к прежнему единству.

Однако, помещая человека – как «царя природы» – в центр бытия, Пришвин много размышляет о том, каким тот должен быть, чтобы природа покорила ему, признала власть над собой. Итогом долгих философских размышлений становится идея о гармоничной, целостной личности – Всечеловеке, который у Пришвина предстает как прообраз человека: «Пусть на всем свете жизнь будет приведена в единство с подчинением человеку, но тогда надо же наконец составить себе понятие о человеке: какой должен быть человек, чтобы ему заслуженно, а не просто хищничеству была подчинена вся жизнь. Человек этот, во-первых, должен быть Весь-человек как одно лицо, и каждое лицо было как Весь-человек» [6, с. 332].

Жажда обретения такой универсальной личности не была случайной. Рубеж XIX–XX вв. был отмечен повышенным интересом к идеям немецкого философа Ф. Ницше, оказавшего бесспорное влияние на разные сферы культуры этого времени. Его заявления о слабости и ничтожности современного человека и необходимости его перехода к более совершенной модели – Сверхчеловеку – привлекли к себе внимание философов и деятелей искусства.

Философия Ницше оказала большое влияние на становление мировоззрения и творчества Пришвина. Знакомство писателя с трудами философа состоялось во время учебы в Германии и произвело на него огромное впечатление.

Размышляя о Всечеловеке, Пришвин напишет в своем дневнике: «Я не читал Ницше, а только жил в ту эпоху, когда все Ницше читали, и оттого, сам не читав Ницше, я жил бессознательно его идеями. И теперь когда читаю Ницше, то мне кажется, будто я тоже, как и он, думал и о ближнем, и дальнем, и о сверхчеловеке» [4, с. 746].

Писатель дает свою интерпретацию, свое понимание сверхчеловека немецкого философа: «Ницше в своем Сверхчеловеке дал образ творческой личности в момент создания чего-нибудь нового, небывалого, само собой выходящего за пределы обычного, человеческого» [6, с. 435].

Безусловно, образ Всечеловека в художественном мире Пришвина является самым значимым. Его присутствие обнаруживается практически во всех крупных произведениях, поэтому не будет ошибкой утверждать, что творчество писателя невозможно интерпретировать без обращения к этой универсальной, мистической личности, проявляющей себя в каждой природной вещи, будь то птица, цветок, животное или падун.

Свои философско-интуитивные размышления об этой сущности, содержащей и объединяющей в себе раздробленные, частные проявления жизни, о причинах ее распада Пришвин облекает в форму

сказки как способа наиболее достоверного изображения реальности: «...может быть, когда-то очень давно, в незапамятные времена на земле не было ни животных, ни растений, а жил только человек в полном единстве себя самого и во множестве лиц, как и теперь. И вот тогда, как и теперь, подошла к душе великого единого человека пустыня еще более страшная, чем теперь, и в душе чистого единого человека начался панический страх. Тогда от ужаса кто-то запищал и сразу же обратился в суслика, кто-то залаял и побежал шакалом, кто-то прыгнул и полетел птичкой или зайцем побежал, и кто-то в безумье остановился и остался на месте расти деревом, и так возникла природа в распаде единого человека. Среди всех падших существ, составляющих так называемый мир природы, не было человека, и в то же время он был в каждом живом существе. Страх был причиной распада, и кто больше боялся, тот стал жертвой, кто меньше – стал хищником, а кто ничего не боялся, тот, понимая человеческое начало в каждом живом существе, стал собирать всех в прежнее единство» [2, с. 528]. Природа, какая она есть, вышла из единого человека, явилась результатом его распада. Актом ее сотворения было

не волеизъявление и желание Создателя, а ответная защитная реакция на некое негативное воздействие – страх. Дальнейшее существование утраченного целостности мира было связано с последующим постепенным восстановлением всех его элементов.

В этом процессе возвращения мира в первоначальное, идеальное состояние главная роль отводится человеку, тому, кто не испугался и сохранил свою память. Восстановление Всеединства – результат его труда: «Возрождение утраченного является в личной деятельности человека, восстанавливающего природу. Однако лишь при личном участии начинается возрождение: нет личности, и нет новой природы. Сад без личности – пуст, в посаженной роше спрашивают – кто ее посадил» [5, с. 321].

Соотнося человека, меру всех вещей и «венец творения», и природу, соединяя их во Всеединстве, Пришвин очень внимателен к творческой, преобразовательной деятельности личности. Натурфилософская антропология с неоплатоническими элементами мировоззрения позволяет понять глубже не только все своеобразие творчества писателя, но и в целом духовные истоки культуры Серебряного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Борисова Н.В. Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина : учебно-методическое пособие / Н.В. Борисова. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – 227 с.
2. Пришвин М.М. Дневники 1905-1954 / М.М. Пришвин // Собр. соч. : в 8 т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 8. – 759 с.
3. Пришвин М.М. Дневники. 1930–1931. Книга седьмая / М.М. Пришвин. – СПб. : Росток, 2006. – 704 с.
4. Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. Книга восьмая / М.М. Пришвин. – СПб. : Росток, 2009. – 1008 с.
5. Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937 / М.М. Пришвин. – СПб. : Росток, 2010. – 992 с.
6. Пришвин М.М. Дневники. 1938–1939 / подгот. текста Я.З. Грипиной, А.В. Киселевой; коммент. Я.З. Грипиной. – СПб. : Росток, 2010. – 608 с.
7. Плотин. Энеады. О Благе или Первоедином / Плотин. – (<http://www.nsu.ru/classics/-bibliotheca/ploti01/txt54.htm>).
8. Плотин. Энеады. О природе, созерцании и едином / Плотин. – (<http://www.nsu.ru/classics/-bibliotheca/ploti01/txt26.htm>).